

## ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 1.001:001,8

М.П. Завьялова

### ПОЛИДЕТЕРМИНИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП АНАЛИЗА ПРЕДПОСЫЛОЧНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

*Исследуется процесс выявления многослойности (множественности) социокультурных предпосылок научного познания. В этом контексте в первом приближении обосновывается принцип полидетерминизма. В сжатом виде он обобщает полученные в течение длительного времени знания о сложном составе детерминации науки и «конвертирует» их в определенную познавательную установку – подходить к анализу предпосылочной природы науки с позиции множественности, многофакторности, многогранности процесса ее детерминации.*

*Принцип полидетерминизма эвристичен также и в плане обратного воздействия, детерминации наукой общества, культуры, истории. Векторы этой детерминации непредсказуемы, множественны в своей разнонаправленности и последствиях.*

*Ключевые слова: наука, эпистемология, многослойность предпосылочности науки, принцип полидетерминизма.*

Одним из серьезных результатов эпистемологических исследований XX – начала XXI в. является постижение сложности природы науки. Последняя находит яркое выражение в факте множественности направлений (историческая, эволюционная, социальная и др.) в современной эпистемологии, каждое из которых сосредоточивается на исследовании отдельных сторон науки в ее динамике, статике, составе, функциях, взаимодействиях внутренних и внешних факторов и связей в научном развитии. Причем каждый выделенный аспект анализа науки обнаруживает новые пласты и уровни ее сложности. Например, социальная эпистемология развивает идею диахронического и синхронического методологического и содержательного плюрализма науки, показывая, что за выбором той или иной теории стоят комплексные, технические, психологические, культурные, экономические и прочие связи и отношения, нелинейное развитие которых «вклинивается» между когнитивным субъектом и исследуемым объектом и влияет на познавательный (в том числе научный) результат [1. С. 65].

Изучая науку с учетом ее особой сложности, современная эпистемология порождает и формирует собственный арсенал методологических средств, который по меньшей мере имеет два источника: как по линии реализации междисциплинарных связей за счет переноса, заимствования понятий, установок, методов из конкретных дисциплин, особенно из социально-гуманитарной области (социологии, лингвистики, психологии, истории, антропологии, этнологии и др.), так и на основе обобщения собственного познавательного опыта, который, сублимируясь, конструктивно перерабатывается и присутствует в исследовательской практике в качестве определенных установок, норм, правил и принципов методологии неклассической эпистемологии. За-

дача философии состоит в том, чтобы эксплицировать их из исследовательской практики и определить основания и эвристические возможности. В этом контексте своевременной представляется возможность выделения и обоснования особого методологического принципа, который в первом приближении может быть определен как принцип полидетерминизма.

В свернутом, сжатом виде он обобщает в себе знания о взаимообусловленности науки, общества и культуры и «конвертирует» их в определенную познавательную установку, направляющую анализ системы взаимовлияний науки и социокультурной среды с позиции множественности, многофакторности, многогранности, т.е. с позиции полидетерминации научно-познавательной деятельности.

Мысль о многослойности детерминации науки обобщает (сжимает в себе) результаты сложного и длительного процесса преодоления антиисторизма и интернализма классической эпистемологии на пути раскрытия предпосылочной природы научного познания. Каждый существенный шаг на этом пути открывал какой-либо детерминационный слой.

Критика понятия «трансцендентального» вневременного субъекта и осознание принципиальной историчности познающего субъекта дали возможность признать принципиальную историчность познающего субъекта. Это означает, что, будучи погруженным в конкретную историческую реальность той или иной эпохи, познающий не может в принципе полностью абстрагироваться от нее в ходе исследования познаваемых им объектов. Он всегда находится под влиянием исторических условий своего времени и места, а также определенных установок, часто несознаваемых, которые выступают для него в качестве «исторического а priori». В XX в. для раскрытия характеристики данного предпосылочного слоя процесса познания, в том числе и научного, большое значение имеет феноменолого-герменевтическое философское направление, и в особенности труды М. Хайдеггера и Г. Гадамера. В частности, они вывели проблематику понимания за пределы его толкования как метода и трактовали понимание как специфическое отношение к действительности, в котором человек выступает «понимающим бытием», что означало онтологизацию понимания. Хайдеггер ввел понятие «предпонимание», выражающее развёртывание понимания как онтологического определения человеческого бытия, задающее непреодолимый исторический горизонт познания. Предпонимание изначально и предполагает мышление в целом и поведение – через «предмнения», «предвидения» и «предвосхищения», делая возможным производное («вторичное») понимание в качестве методов и процедур познания [2. С. 371–372].

В структуру предпонимания входят дорефлективные, допредикативные, неконцептуализированные формы человеческого опыта и язык как фундирующая все возможные формы человеческого опыта основа. Гадамер, вслед за Хайдеггером, исходя из конечности человеческого бытия и принадлежности человека истории, разрабатывает проблематику предпонимания. В частности, он подчеркивает онтологически позитивный смысл герменевтического круга (круга понимания), а также особую значимость предструктур понимания для герменевтического процесса, фундирующего познавательные акты и процедуры, включая и научное познание. В связи с чем он реабилитирует

понятие предрассудка, указывая на то, что предрассудок как предсуждение вовсе не означает неверного суждения, но, составляя историческую действительность человеческого бытия, выступает условием понимания, которое, в свою очередь, делает возможным адекватное познание [3. С. 50–77].

Таким образом, концепты «предпонимание», «предание», «предрассудок», «традиция» раскрывают историческую предпосылочность познания вообще и научного познания в частности. Они обозначают неконцептуализированные формы человеческого опыта и влияют на познавательные процессы часто неосознанно.

На историческую обусловленность содержания абстракций (категорий), репрезентирующих предмет научного познания, в свое время указывал К. Маркс. Так, с позиции деятельностного подхода, рассматривая эволюцию содержания категории труда – краеугольной для политэкономии XVIII–XIX вв. в решении проблемы источников богатства (капитала), Маркс констатирует, что подлинно научный характер данная категория приобретает только в классической политэкономии в трудах А. Смита, который «отбросил всякую определенность деятельности, создающей богатство; у него фигурирует просто труд, не мануфактурный, не коммерческий, не землевладельческий труд, а как тот, так и другой. Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности, создающей богатство, признается также и всеобщность предмета, определяемого как богатство; это продукт вообще или опять-таки труд вообще, но уже как... овеществленный труд» [4. С. 40].

В данном контексте такие экономические системы, как монетарная (меркантилизм) и физиократическая, в которых абстракция труда выступает в особой (не всеобщей) форме, определяются Марксом как предыстория (преднаука) политической экономии. Для того, чтобы было осуществлено понимание труда как труда вообще, что соответствует требованиям научности, необходимы определенные исторические условия, при которых труд «...не только в категории, но и в реальной действительности стал средством для создания богатства вообще и утратил ту сращенность, которая раньше существовала между определенными индивидами и определенными видами труда» [4. С. 41].

Таким образом, Маркс видит историчность содержания научных абстракций в том, что, репрезентируя изучаемую реальность, они являются не только результатом чистого мышления, а выступают своего рода схемами предметно-практической человеческой деятельности. Такие категории, как труд, капитал, собственность и др., как всеобщие абстракции, возникают «в условиях наиболее богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех» [4. С. 42], или, иными словами, эти абстракции выражают реально существующие отношения между людьми в определенные исторические эпохи.

Следующим шагом на пути осмысления предпосылочности научного познания, особенно в сфере социально-гуманитарных наук, было выявление еще одного эпистемологического обстоятельства: человеческое сознание и познание могут предопределяться не только историческими особенностями, но и наличными социальными детерминантами, экономическими отношениями, их интересами как представителей тех или иных социальных групп,

механизмами властных институтов, способами манипулирования общественным сознанием и т. п.

Здесь снова необходимо обратиться к Марксу, который именно в этом контексте выдвинул свой известный тезис: «общественное бытие людей определяет их общественное сознание». Духовный и мыслительный горизонты познающего субъекта, замкнутого на систему существующих социально-экономических и властных отношений, также оказываются в силу этого определенным образом ограниченными. Раскрывается реальная зависимость оценок и способов интерпретации субъектом социальной реальности от его объективного положения в обществе.

Подход к знанию как к феномену, определяемому не только объектом, но и социально-детерминированным ценностным сознанием, осуществил К. Маркс, открывший фундаментальную зависимость содержания знания от фиксируемых в сознании превращенных форм социальной действительности. За внешней, т.е. зафиксированной в тексте, формой научного (экономического) знания К. Маркс увидел глубинные слои, сложную структуру предпосылок, содержащую скрытые, неявные компоненты различного происхождения. Маркс употреблял понятие «предпосылки» как в объективно-материальном смысле, имея в виду, например, реальные предпосылки в форме объективных общественных потребностей в познании социальной реальности, так и в гносеологическом плане, понимая их как представления, знания, убеждения, из которых исходит тот или иной исследователь. Он включал в предпосылки и специально-научное знание, и мировоззренческие, идеологические, этические принципы; как их концептуальные, так и доконцептуальные (в виде представлений и предрассудков) формы, обращал внимание на неявный, скрытый характер многих предпосылок, содержащихся как в мышлении и познании отдельных ученых (в частности, экономистов), так и в содержании буржуазного сознания в целом [5. С. 354–360].

Л.А. Микешина, исследуя формы рефлексии ценностных компонентов в гуманитарном и социальном познании, наряду с другими эксплицирует Марксову систему приемов и методов философско-методологического анализа научного знания в структуре социального сознания в целом и в связи с теми превращениями, которые претерпевает общественное сознание в классовом антагонистическом обществе, что позволяет ей заключить: «Маркс, по-видимому, один из немногих, кто сделал предметом специального изучения неявный слой научного (экономического) знания, осознал фундаментальную значимость имплицитных предпосылок для понимания как содержания знания, так и социальных причин, порождающих определенные когнитивные следствия – истинное или, напротив, иллюзорное, превратное отражение действительности. “Капитал”, раздел “Теория прибавочной стоимости” дают богатейший материал для понимания «механизмов» возникновения и функционирования скрытых оснований и следствий, предпосылок и выводов и тому подобных форм в научном знании и познавательной деятельности» [5. С. 354–355].

Во второй половине XX в. наряду с зависимостью от экономики и идеологии была обнаружена еще одна линия детерминации познания – его обусловленность социокультурными реалиями. Этот подход расширяет и углубляет границы анализа предпосылочной обусловленности познания в целом и

научного, в частности. Так, углубление идет в аспекте постижения сложного состава социальной детерминации познания за счет осмысления природы самой социальности, ее состава, форм проявления – того, что входит в предмет нового эпистемологического направления – социальной эпистемологии. Социальность здесь определяется не в привычном смысле как интересы, политические силы, сфера нерациональной интеракции групп и сообществ, а как сложная система отношений между знанием и социумом. И.Т. Касавин выделяет 3 типа социальности: 1) «внутренняя социальность» познания – свойство, которое присуще когнитивной способности человека, даже если он выключен из всех наличных социальных связей; 2) «внешняя социальность», она выступает как зависимость знания от состояния общественных систем, которые формируют требования к знанию и критерии его приемлемости; 3) открытая социальность, в контексте которой осуществляется связь познающего индивида с совокупной сферой культуры как основным когнитивным ресурсом человека [6. С. 9–10].

Новые подходы отличаются междисциплинарностью, что придает социокультурному направлению анализа научного познания новые импульсы, расширяет и обогащает понятийный аппарат современной эпистемологии. Несомненной заслугой феноменологов является разработка эвристически значимых понятий «жизненный мир человека» и «повседневная жизнь», среди дефинирующих характеристик которых отмечаются: необходимое присутствие социального контекста; циклический, рутинный характер событий, наличие ритуальных, типичных и привычных действий; телесная укорененность, локализация в пространстве и определенное временное протяжение, нерелексивность и следование обычаям и др. Каждая из этих характеристик задает особый вектор социализации любых форм деятельности, в том числе и научной. Среди прочих, на наш взгляд, представляет интерес тематизация телесности, актуальная не только в плане критики классической рационалистической парадигмы, где познающий субъект выступает как принципиально бестелесный, но и в большей мере для раскрытия глубинных детерминационных пластов процесса познания. Разработка темы телесности идет по двум направлениям: а) в рамках эволюционной эпистемологии, где новейший телесный подход претендует на изучение новых аспектов целостности, опираясь на принцип единства мозга, тела и сознания, а также принцип единства тела, сознания и среды [7. С. 328]; б) в традиции социокультурного подхода осуществляются исследования неконцептуализированных форм передачи знания, таких как навыки, сноровка, мастерство, которые обретаются лишь в практике научного исследования и в форме неэксплицированных (неявных) навыков составляют фундамент и условие успешного функционирования наряду с профессиональной, теоретической подготовкой членов научного сообщества. На базисную, глубинную роль последних указал М. Полани, обнаружив их в структуре личностного знания. Это слой неявного знания, которое включает в себя некие регулятивные правила, которым подчиняются определенные жизненные практики, в частности научно-исследовательские практики. Это знание невербальное и передается только через коммуникацию, как бы вписывается в «тело» участника практики и диктует ему определенную стратегию поведения.

Для обозначения этого вида научной «телесности» в эпистемологическом дискурсе появилось понятие «габитус», заимствованное из феноменологии (М. Мерло-Понти, Э. Гуссерль) и теоретической социологии (П. Бурдьё) [8. С. 102–107].

Таким образом, мы определили основные этапы процесса осмысления предпосылочной природы научно-когнитивной деятельности, на каждом из которых были выявлены различные слои социально-культурной детерминации науки, что позволяет обобщить знания об этих слоях в принципе полидетерминизма как методологическом регулятиве осмысления и познания такого сложного феномена, каким выступает современная наука.

Нами была установлена многослойность детерминации науки со стороны общества и культуры. Однако существует обратная детерминация – со стороны науки на социокультурное развитие, и очевидно, что и здесь проявляет себя сложность, нелинейность, разнонаправленность и неоднозначность этого направления детерминации; следовательно, в осмыслении данного процесса также необходим подход с точки зрения полидетерминизма.

Значение принципа полидетерминизма состоит в том, что он предостерегает от абсолютизации какого-либо одного фактора развития самой науки и какого-либо одного способа применения ее на практике, что неизбежно приведет к искажению и выхолащиванию гуманистической природы науки в теории и на практике. Такая опасность реально существует, так как господствующие сегодня в научной практике прагматизм, коммерциализация, ориентация на достижение сиюминутного успеха и потребительский интерес могут привести к тому, что наука переродится в одну из отраслей хозяйственно-производственной деятельности, обслуживающей экономико-технологические нужды будущего «информационного» общества.

#### *Литература*

1. Столярова О.Е. Спор эпистемологий // Эпистемология. Философия науки. 2010. № 2. С. 65–67.
2. Гайдёнок П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (первоначальный вариант «Капитала», часть I). М.: Изд-во политической литературы. 1980.
5. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007.
6. Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология. Философия науки. 2006. Т. VII, № 1.
7. Эпистемология: перспективы развития. М.: «Канон+» РООН «Реабилитация», 2012.
8. Гутнер Г.Б. Субъект и индивид в коммуникативных практиках // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. М.: ИФРАН, 2010. С. 97–108.